

Аспирант

А. В. Кузнецов

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ДОКУМЕНТОВ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Для правильного юридического анализа преступлений, связанных с подлогами документов или их использованием, необходимо прежде всего раскрыть самое понятие документа.

Действующее законодательство, равно как и теория советского уголовного права, не содержит определения понятия документа, хотя и пользуется этим понятием довольно часто. Термин «документ» известен не только в уголовном, но и в других отраслях права. При этом роль его в различных отраслях права различна.

Так, в уголовном праве документ выступает в роли предмета преступления (например, при подлоге, при хищении или повреждении документов) или в роли средства совершения или сокрытия преступления (например, при хищении социалистического имущества, должностных преступлениях и др.). В уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном праве документ выступает в роли письменного доказательства или доказательства вещественного (справки, расписки, подложные письма и т. п.).

В соответствии с этим для процессуального права наиболее важное значение имеют те признаки документа, которые позволяют установить его относимость к конкретному делу и тем самым возможность его использования как доказательства. Для уголовного же права эти признаки несущественны: его интересуют прежде всего те свойства документа, наличие которых делает этот документ предметом преступления, средством его совершения или сокрытия.

Однако независимо от той роли, в которой выступает документ при определении его понятия нельзя ограни-

чиваться только признаками, которыми характеризуется документ в одной какой-либо отрасли права, а тем более признаками, присущими документу как предмету определенной группы преступлений: нужно исходить из общих признаков, характеризующих это понятие безотносительно к тому, идет ли речь об уголовном праве, уголовном или гражданском процессе, криминалистике или какой-либо иной отрасли права.

Определение понятия документа поэтому должно быть единым, то есть общим для всех отраслей права и включать в себя все признаки, характеризующие документ применительно к любой из них.

В уголовном праве в роли предмета преступления могут выступать самые разнообразные документы: в одних случаях — это истинные документы, то есть документы, отражающие факты и события, имевшие место в действительности, в других — документы подложные.

Так, например, при похищении или повреждении документов предметом посягательства может быть не только истинный, но и подложный документ: диспозиция ч. 1 ст. 78 УК сформулирована так, что она охватывает оба эти вида документов¹. Иное дело — при подлоге. Предметом этого преступления может быть только истинный документ. Фальшивый документ ни при каких условиях не может быть предметом подлога, а виновные в совершении подделки такого документа могут привлекаться к ответственности лишь в соответствии с общими правилами об ошибке лица в характере совершенных им действий.

В роли средства совершения или сокрытия преступления также могут выступать как истинные документы², так и подложные³.

¹ Здесь и в дальнейшем при ссылке на статьи Уголовного кодекса имеются в виду статьи Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик.

² См. ст. 59⁹ УК, устанавливающую ответственность за квалифицированную контрабанду, совершенную с прикрытием груза документами, относящимися к другому грузу (ст. 166 Таможенного кодекса СССР).

³ См., например, ст. 58⁵ УК и ч. 2 ст. 59⁴ УК, предусматривающие ответственность — в первом случае за склонение иностранного государства к объявлению войны или иным неприязненным действиям в отношении СССР путем использования в этих целях фальшивых документов, во втором — за уклонение от очередного призыва на действительную военную службу путем подлога документов

Различия между этими документами сводятся, главным образом, к тому, что подложные документы в отличие от документов истинных удостоверяют события и факты, не существовавшие и не существующие в действительности, то есть ложные. Во всех других отношениях оба эти вида документов по своему содержанию ничем не отличаются друг от друга: как истинный, так и подложный документы представляют собой, прежде всего, овеществление определенных мыслей, свидетельствующих о фактах или событиях юридического значения. Содержание же документа с точки зрения истинности удостоверяемых им фактов или событий для понятия документа не существенно¹.

В уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном праве, где документы выступают в роли письменных или вещественных доказательств, вопрос об отличии документа — письменного доказательства от документа — доказательства вещественного — тесно связан с вопросом о разграничении этих двух видов доказательств.

Большинство советских процессуалистов — П. И. Люблинский², М. А. Чельцов³, М. С. Строгович⁴, А. Ф. Клейнман⁵ и др. проводят четкую грань между письменными и вещественными доказательствами.

Не останавливаясь специально на взглядах отдельных процессуалистов в этом вопросе и тех соображениях, которые они приводят в обоснование высказанного мнения, мы укажем дополнительно еще на одно различие между

¹ Иное мнение высказано М. Козырь в рецензии на работу Т. Л. Сергеевой «Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву». «Документом,— пишет он,— может быть назван только истинный документ, а не подложный, который является только фикцией документа» («Советское государство и право», 1950 г. № 6 стр. 95).

² См. П. И. Люблинский, О доказательствах в уголовном суде, Практический комментарий к главе IV Уголовно-процессуального кодекса, М., 1924, стр. 56.

³ См. М. А. Чельцов, Уголовный процесс, Юриздат, 1948, стр. 325—326 и Советский уголовный процесс, Госюриздат, 1951, стр. 188—189.

⁴ См. М. С. Строгович, Уголовный процесс, Краткий учебник, Юриздат, 1938, стр. 101; Уголовный процесс, Юриздат, 1940, стр. 149 и Уголовный процесс, Юриздат, 1946, стр. 238—239.

⁵ См. А. Ф. Клейнман, Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе, М.—Л., 1950, стр. 53.

документом — письменным доказательством и документом — вещественным доказательством: в отличие от вещественного доказательства, которым могут быть как истинные, так и подложные документы, письменным доказательством могут быть только истинные документы. Подложные документы не могут быть оценены как письменные доказательства, поскольку в процессе они являются незаменимыми. Нетрудно заметить, что в уголовно-процессуальном и в гражданско-процессуальном праве, так же как и в уголовном, различия в документах сводятся к тому, что в одних случаях мы имеем дело с истинными документами, а в других — с подложными. Для понятия же документа это различие никакого значения не имеет: в процессуальном отношении истинный документ отличается от документа подложного по тем же самым признакам, что и в уголовном праве.

В различных отраслях права один и тот же документ может выступать в самых разнообразных ролях. При этом его содержание, с точки зрения удостоверяемых им фактов или событий, не претерпевает никаких изменений (за исключением, конечно, случаев, когда имеет место подлог документа).

Это обстоятельство является дополнительным подтверждением того, что понятие документа в праве должно быть единым.

Иначе и быть не может: иное решение этого вопроса логически привело бы к множественности определений одного и того же понятия. В результате один и тот же документ, который в одном случае может быть предметом преступления (область уголовного права), в другом — письменным доказательством (область уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права), в третьем — формой закрепления сделки (область гражданского права) и т. д., всякий раз трактовался бы по-разному, что, конечно, неправильно.

Термин «документ» происходит от латинского слова «documentum», что означает в переводе на русский язык доказательство. Аналогичное толкование документа дано также и в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в котором говорится, что документом является «всякий материальный знак, служащий доказательством юридических отношений и событий, например, межевые столбы, определяющие границы владений, билеты на вход в

театр, ярлык, взятый у нанятого извозчика, марка швейцара, принявшего платье на сохранение, и т. п.»¹.

С этой точки зрения к документам относятся все имеющие юридическое значение предметы, независимо от того, есть ли на них письменные знаки или нет таких². В этом смысле документ по существу ничем не отличается от вещественного доказательства. Поэтому при дальнейшем уточнении понятия документа необходимо сделать указание на письменность как необходимый признак документа. При таком ограничении под документом следует понимать всякий «облеченный в письменную форму акт, удостоверяющий наличие фактов юридического значения»³ или бумагу, могущую служить «письменным доказательством каких-либо прав или фактов, имеющих правовое значение»⁴.

На письменный характер документов указывается и в словарях русского языка.

Так, например, в «Толковом словаре русского языка», под редакцией проф. Д. Н. Ушакова отмечается, что документ — это «деловая бумага, служащая доказательством чего-нибудь, подтверждающая право на что-нибудь».

¹ «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» СПб., 1893, т. X^a, стр. 898.

² В немецкой литературе второй половины XIX века такой взгляд на документ являлся господствующим. Многие немецкие криминалисты — Меркель («Lehrbuch des Deutschen Strafrechts Stuttgart», 1889, стр. 359), Бернер («Учебник уголовного права» СПб., перевод и издание Н. Неклюдова, 1865. Особенная часть, т. II, стр. 43), Лист («Учебник уголовного права». Особенная часть, перевод Ф. Ельшевич, 1905, стр. 244) и др. — в соответствии с германским законодательством того времени не считали письменность обязательным признаком документа. Однако другие немецкие криминалисты (например, В г о д т а п п) придерживались иного мнения.

Английский ученый Кенни также указывал на письменный характер документа, считая, что документом является всякий текст, фальсификация которого может нанести ущерб какому-либо лицу («Основы уголовного права», перевод с английского кандидата юридических наук В. И. Каминской, Издательство иностранной литературы, 1949, стр. 280).

В русской дореволюционной литературе аналогичной точки зрения придерживалось большинство криминалистов. См., например, А. А. Ж и ж и л е н к о, Подлог документов, историко-догматическое исследование, СПб., 1900, стр. 539; И. Я. Ф о й н и ц к и й, Курс уголовного права, СПб., 1900, стр. 195—196 и др.

³ «Большая советская энциклопедия», т. 15, 1952, стр. 5.

⁴ «Малая советская энциклопедия», т. 4, 1935, стр. 38—39.

Письменное официальное удостоверение, свидетельствующее о личности предъявителя, ...удостоверение личности, паспорт., акт, письменное свидетельство о чем-нибудь»¹.

Таким образом, письменность наряду со свойством предмета отражать определенные мысли и свидетельствовать о фактах или событиях юридического значения является одним из существенных признаков документа. Поэтому под документом следует понимать всякий сознательно изготовленный человеком предмет, могущий при помощи письменных знаков служить доказательством определенных фактов или событий, имеющих юридическое значение.

Документ может быть изготовлен из любого материала (бумага, пергамент, дерево, металл и т. д.).

В отличие от других материальных предметов документ является результатом сознательной человеческой деятельности и всегда отражает определенные мысли.

Человеческая мысль, запечатленная в материальном предмете, как бы преобразует его, она придает ему своеобразное специфическое свойство — свойство удостоверять определенные факты, отношения, явления и т. п. Она выделяет этот предмет из множества других, ему подобных, включая его в ту или иную сферу человеческой деятельности².

Но для того чтобы предмет стал документом, овеществленная в нем мысль должна быть выражена с помощью письменных знаков³. Письмо придает документу определенное смысловое содержание. Для понятия документа не имеет значения способ, с помощью которого он со-

¹ «Толковый словарь русского языка», под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, т. 1, М., 1935, стр. 751. Аналогичные указания содержатся и в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля (т. 1, 1912, стр. 1140), а также в «Словаре иностранных слов», под ред. В. И. Лехина и Н. Ф. Петрова, 1954, стр. 242 и др.

² В нашей юридической литературе также имеются указания на то, что документы представляют собой овеществленные определенные мысли. См., например, Т. Л. Сергеева, Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву, Издательство Академии наук СССР, 1949, стр. 42—43, а также С. Н. Абрамов, Гражданский процесс, Юриздат, 1948, стр. 216—217; Советский гражданский процесс, Госюриздат, 1952, стр. 204—205.

³ «Документ — это письменное свидетельство», — пишет, например, В. А. Бек («Документ в советском гражданском праве», «Ученые записки Львовского государственного университета», т. XXVII, вып. 2, 1954, стр. 113).

ставлен: написан ли текст документа карандашом или чернилами, отпечатан ли он на машинке или изготовлен типографским путем и т. д. Не имеет значения и язык, которым пользуются при составлении документа.

Не являются документами клейма, бирки, метки и другие предметы, которые свидетельствуют об определенных фактах не своим содержанием, а лишь внешним видом. Не являются документами и различного рода штампы или печати. Незаконное изготовление их, если такие действия не поглощаются составом какого-либо преступления, надлежит квалифицировать как приготовление или покушение на подлог документов. Так, изготовление печати для удостоверения фиктивной справки какого-либо учебного заведения должно квалифицироваться как покушение на подделку официального документа по ст. 19 и ст. 72 УК. Не являются документами и сами оттиски печатей или штампов, если они сделаны не на документе, а, например, на чистом листе бумаги. Совершение таких действий, если целью их не было последующее изготовление документа, не может рассматриваться как уголовно-наказуемое деяние. Однако в тех случаях, когда оттиск печати или штампа изсбражен на документе и является, следовательно, одним из его реквизитов, подделка его составляет окончанный состав преступления — подлога.

В советской уголовно-правовой литературе признание письменности одним из необходимых признаков документа разделяется почти всеми криминалистами. Иное мнение было высказано только А. Н. Трайниным, который полагал, что письменность не есть существенный признак документа¹.

Точка зрения А. Н. Трайнина была подвергнута справедливой критике. В рецензии на его работу М. Шаргородский и М. Красильников указали, что «...документ означает всякое письмо, свидетельствующее о наличии какого-либо факта, с которым связываются юридические последствия»².

Соглашаясь с М. Шаргородским и М. Красильниковым, мы полагаем, что точка зрения А. Н. Трайнина ни-

¹ См. А. Н. Трайнин, Должностные и хозяйственные преступления, Юриздат, 1938, стр. 65.

² «Проблемы социалистического права», Сборник 6, Юриздат, 1938, стр. 112.

чем не обоснована и противоречит действующему законодательству и судебной практике.

Документ должен свидетельствовать о фактах или событиях юридического значения.

Предназначение документа с момента создания его служить удостоверением таких фактов или событий не является его необходимым признаком. Достаточно, чтобы предмет фактически по своему содержанию мог свидетельствовать о них. Предметы, не обладающие этим свойством, не являются документами.

Многие русские дореволюционные криминалисты считали, что документами могут быть только такие предметы, которые при самом создании их предназначались для удостоверения определенных фактов или событий юридического значения. Так, например, А. А. Жижиленко полагал, что «предназначенность служить документом есть...существенная черта самого понятия документа»¹.

Аналогичная точка зрения была высказана Н. А. Неклюдовым², П. И. Пусторослевым³ и некоторыми другими. Из иностранных криминалистов ее разделяли Лист⁴, Бернер⁵ и др. Так, например, Лист указывал, что документом в уголовно-правовом смысле является всякий предмет, предназначенный к тому, чтобы своим содержанием (а не только фактом своего существования) доказывать наличие факта, имеющего юридическое значение.

Ограниченность такого взгляда явно обнаруживается, если мы подойдем к решению этого вопроса с точки зрения процессуального права. И в уголовном и в гражданском процессе письменным доказательством может быть любой имеющий определенное содержание документ, удостоверяющий факты или события юридического значения, независимо от того, предназначался ли он для этой цели

¹ А. А. Жижиленко, Подлог документа, историко-догматическое исследование, СПб., 1900, стр. 545.

² См. Н. А. Неклюдов, Опыт разграничения подлогов в актах и документах от остальных соприкасающихся с ними преступлений, «Гражданское и уголовное право», кн. пятая, СПб., 1880, стр. 195.

³ См. П. И. Пусторослев, Из лекций по особенной части русского уголовного права, вып. 1, Юрьев, 1908, стр. 115.

⁴ См. Лист, Учебник уголовного права. Особенная часть, перевод Ф. Ельяшевич, 1905, стр. 244.

⁵ См. Бернер, Учебник уголовного права. Особенная часть, т. II, перевод и издание Н. Неклюдова, 1865, стр. 43.

или приобрел это свойство впоследствии в результате определенных обстоятельств или событий, или действий других лиц. С точки зрения уголовного права такой взгляд также не может быть признан правильным, ибо подделка отдельных документов, не предназначенных специально для удостоверения фактов или событий, имеющих юридическое значение, представляет настолько общественно опасное деяние, что оно не может оставаться безнаказанным. Так, например, подделка письма, в котором сообщается должнику о размерах причитающейся с него суммы с целью уменьшить таковую, несомненно, должна влечь уголовную ответственность за подделку документа.

В советской уголовно-правовой литературе точка зрения на документ как предмет, способный вообще (а не предназначенный к тому специально) служить доказательством определенных юридических фактов или событий, является господствующей. За исключением проф. А. Н. Трайнина¹, полагавшего одно время, что предназначенность документа является его необходимым признаком, в нашей литературе не было высказано каких-либо соображений в поддержку этого взгляда².

Предлагаемое нами определение понятия документа полностью применимо и к уголовному праву. Однако в отношении отдельных составов преступлений, например подлога документов, предусмотренного ст.ст. 72 и 170 УК, предметом преступления может быть не всякий документ.

¹ См. А. Н. Трайнин, Должностные и хозяйственные преступления, Юриздат, 1938, стр. 65; «Уголовное право. Особенная часть». Юриздат, 1939, стр. 338—339; «Уголовное право. Особенная часть», Юриздат, 1943, стр. 298.

² О предназначенности документа говорится и в работе Т. Л. Сергеевой. Однако она несколько по-иному освещает этот вопрос: в отличие от А. Н. Трайнина она считает документом и такие письменные акты, которые, не будучи предназначенными для удостоверения фактов или событий юридического значения, впоследствии, при подлоге приобрели таковое свойство. «Документ,— пишет Т. Л. Сергеева,—...может быть определен как письменный акт, предназначенный при его создании или при подлоге служить удостоверением действительных или ложных событий или фактов, имеющих юридическое значение». («Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву», Издательство Академии наук СССР, 1949, стр. 42). Таким образом, согласно этому определению любой письменный акт, любая бумага, не являющаяся документом, может стать таковым при ее подлоге. Такой вывод противоречит логике: подделать можно только документ. Подделка же иных бумаг с какой бы целью она ни была сделана, не превращает последние в документы.

Предметом этих преступлений может быть лишь такой документ, содержание которого соответствует признакам, описанным в законе. Отсюда применительно к документу как предмету подлога важное значение имеет вопрос о содержании документа. В теории советского уголовного права вопрос этот решается по-разному. Некоторые криминалисты считают, что содержание документа является существенным обстоятельством, характеризующим документ как предмет подлога¹, другие придерживаются иного мнения.

Так, например, А. А. Жижиленко писал: «Документ должен заключать в себе удостоверение тех или иных событий или фактов. Каковы эти факты и события и в чем их содержание, для понятия документа безразлично. Это не только факты, с которыми связывается предоставление прав или освобождение от обязанностей, но и всякий вообще факт, сведения о котором могут быть использованы с той или иной целью», хотя бы он и не породил никаких прав и обязанностей»².

М. Н. Гернет также считал, «...что предметом подделки может быть всякий письменный акт, независимо от его внешней формы и внутреннего содержания»³.

Такая точка зрения не может быть признана правильной.

По советскому уголовному праву не всякий подлог документов является уголовно-наказуемым деянием. Подлог документов, содержание которых не затрагивает общественных отношений, специально охраняемых уголовным законом, не составляет общественно опасного деяния и не влечет уголовной ответственности.

По источнику своего происхождения документы делятся на официальные и частные. Для уголовного права такое деление имеет практическое значение при разграничении отдельных преступлений, предметом которых являются документы, поскольку предметом одних преступлений являются официальные документы (ст. ст. 72, 120

¹ Этой точки зрения придерживаются А. Н. Трайнин (см. сноску 1 на стр. 117), Т. Л. Сергеева, цит. работа, стр. 45—47 и др.

² А. А. Жижиленко, Должностные (служебные) преступления, М., 1927, стр. 89.

³ М. Н. Гернет, Уголовный кодекс РСФСР, практический комментарий, под ред. проф. М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина, Имущественные преступления, М., 1925, стр. 30.

и другие статьи Уголовного кодекса), предметом других — наряду с официальными и документы частные (ст. ст. 78 и 170 УК). Установление характера документов является, следовательно, одним из необходимых условий для правильной квалификации преступления. Деление документов на официальные и частные имеет существенное значение еще и в том отношении, что по действующему законодательству подделка официальных документов влечет за собой более тяжкое наказание, чем подлог частных документов.

Официальные документы — это документы, составленные в той или иной форме и исходящие от государственных или общественных учреждений, предприятий, организаций или уполномоченных на то должностных лиц. Документы, исходящие от лиц, не имеющих права на их составление, не являются официальными. Так, например, справка, выданная заведующим складом артели в подтверждение качества выпускаемой артелью продукции, хотя бы содержащиеся в ней сведения и соответствовали действительности, не может быть признана официальным документом. С точки зрения уголовного права подлог такой справки не может квалифицироваться по статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за подделку официального документа.

При оценке действий виновного в совершении такого подлога должны быть применены или общие правила об ошибке лица в характере совершаемых им действий или же правила, устанавливающие ответственность за подлог частных документов.

Документы, составленные частными лицами, ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны официальными. Представление таких документов в государственные или общественные учреждения или самый факт нахождения их в этих учреждениях не превращает их в официальные. Анализ действующего законодательства подтверждает это. Так, ст. 72 УК устанавливает ответственность за подлог официальных документов, выдаваемых государственными или общественными учреждениями. В других случаях законодатель, устанавливая ответственность за подлог определенных видов официальных документов, хотя прямо и не указывает на то, что имеются в виду именно документы, выдаваемые государственными или общественными учреждениями, однако само

наименование их не оставляет сомнений в том, что здесь имеются в виду только такие документы. Таковы документы на денежные вклады и вклады в ценных бумагах, билеты железнодорожного и водного транспорта и иные проездные и на провоз груза документы. Все они, несомненно, исходят только от государственных учреждений, но не от частных лиц.

Изложенное подтверждается и ст. 78 УК, устанавливающей ответственность за похищение, повреждение, сокрытие или уничтожение документов из государственных учреждений. Закон говорит о похищении, сокрытии или уничтожении как официальных, так и частных документов. Если бы сам по себе факт представления частного документа в государственное учреждение или нахождения его там мог превратить частный документ в официальный, то не было бы никакой необходимости наряду с официальными документами делать специальное указание в законе и на частные документы.

Судебная практика также не квалифицирует как подлог официальных документов подделку или изготовление документов, исходящих от частных лиц¹.

Поэтому нельзя согласиться с Т. Л. Сергеевой, которая считает, что частные документы, будучи представлены в государственное или общественное учреждение, приобретают официальный характер и поэтому приравниваются к официальным документам². Признание за документами, исходящими от частных лиц, официального характера ведет к стиранию всяких граней между официальными и частными документами и к чрезмерному расширению сферы действия уголовного закона, распространяя ее на такие действия, которые не являются обще-

¹ См., например, дело Б. и Р., которые были осуждены за то, что они с целью занижения размера подлежащей оплате пошлины указали в договоре на приобретение домовладения меньшую его стоимость, не доплатив таким путем 900 рублей. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, рассмотревшая это дело в порядке надзора, определением от 31 октября 1951 г. отвергла квалификацию действий Б. и Р. по ст. 72 УК на том основании, что «ст. 72 УК РСФСР предусматривает случаи подделки документов, выдаваемых государственными учреждениями или общественными организациями», тогда как в данном случае «осужденные представили фиктивный документ, который они составили сами и от своего имени».

² См. Т. Л. Сергеева, Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву, Издательство Академии наук СССР, 1949, стр. 50.

ственно опасными и не влекут за собой уголовного наказания.

Официальный документ должен быть составлен в установленной для определенных видов документов форме. Это означает, что документ должен содержать в себе все необходимые реквизиты: подписи, печати, штампы и т. п.

Это требование не относится, понятно, к тем документам, для которых наличие некоторых реквизитов, например подписи, не обязательно. Таковы билеты железнодорожного и водного транспорта и некоторые другие. Для остальных же документов подобные исключения недопустимы¹.

Частные документы — это документы, исходящие от частных лиц. К ним относятся письма, заявления, расписки и пр. В отличие от официальных документов, для которых необходимо соблюдение определенной формы, в ряде случаев установленной законом, частные документы, естественно, никакой формы не требуют: само лицо, от которого исходит документ, придает ему ту или иную форму по своему собственному усмотрению. Однако наличие подписи лица, составившего документ, следует признать обязательным. Письма, заявления и прочие бумаги, не имеющие подписи, не должны приравниваться к документам. Лишь в исключительных случаях, когда такие бумаги попадают в сферу судебного разбирательства и их авторство устанавливается материалами дела, они могут быть признаны таковыми.

Для квалификации некоторых преступлений, предметом которых являются документы, характер и содержание последних не имеют значения. Таковы, например, документы, о которых говорится в ст. 78 УК; предметом этого преступления могут быть любые документы любого содержания. Для других же преступлений, каковыми, например, являются подлоги документов, предусмотренные ст. ст. 72, 120 и другими статьями Уголовного кодекса, содержание документов имеет решающее значение как для оценки общественной опасности самого деяния, так и для решения вопроса о его квалификации.

Поэтому применительно к отдельным видам подлога документов по советскому уголовному законодательству

¹ Изложенное подтверждается и материалами судебной практики (см., например, дело З. и Т., «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1944, вып. IV (X), стр. 17) и дело Е. (там же, стр. 12).

последние по их содержанию можно разделить на следующие группы:

1) удостоверения и иные выдаваемые государственными и общественными учреждениями документы, предоставляющие права или освобождающие от повинностей подлога (ст. 170 УК РСФСР¹).

2) документы, являющиеся предметами различных видов подлогов, совершаемых должностными лицами (ст. 120 УК РСФСР²);

3) документы, являющиеся предметами корыстного подлога (ст. 170 УК РСФСР)³.

Предметом подлога, предусмотренного ст. 72 УК, являются только официальные документы. Однако не все официальные документы могут быть предметом этого вида подлога. Закон говорит о подделке «удостоверений и иных выдаваемых государственными и общественными учреждениями документов, предоставляющих права или освобождающих от повинностей». Подделка других официальных документов не может квалифицироваться по ст. 72 УК.

Из официальных документов, подделка которых совершается частным лицом, закон специально выделяет документы, являющиеся предметом корыстного подлога, карая за их подделку лишением свободы или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года или штрафом до одной тысячи рублей (ст. 170 УК).

Получается, таким образом, как бы несоответствие, заключающееся в том, что подделка официальных документов, совершаемая без корыстных целей, наказывается более строго (лишением свободы до трех лет или исправительно-трудовыми работами до одного года), чем подлог таких же документов, совершенный в корыстных целях. Однако противоречие это кажущееся, ибо корыстный подлог представляет фактически подготовительную стадию к мошенническому посягательству против собственности и должен влечь ответственность не по ст. 170 УК, а по статье, предусматривающей ответственность за

¹ См. также ст. ст. 68 УК Украинской ССР, 101 УК Азербайджанской ССР, 71 УК Грузинской ССР и др.

² См. также ст. ст. 108 УК Украинской ССР, 126 УК Грузинской ССР, 155 УК Азербайджанской ССР и др.

³ На денежных документах мы специально не останавливаемся.

мошенничество или хищение. В некоторых случаях, однако, когда подлог документов хотя и связан с приобретением имущественных прав, преступление может быть квалифицировано по ст. 72 УК. Это относится к таким видам подделки, при которых в результате использования подложного документа виновный приобретает права, реализация которых влечет за собой определенные имущественные выгоды.

Поэтому подделка, например, справки или диплома об окончании высшего учебного заведения с целью поступления на работу и в тех случаях, когда наличие высшего образования предоставляет право на получение повышенного оклада, полностью охватывается признаками состава преступления, предусмотренного ст. 72 УК.

В судебной практике такие случаи также квалифицируются как подделка документов.

Не могут квалифицироваться по ст. 72 УК такие случаи подделки, которые совершаются в каких-либо преступных целях, например, в целях сокрытия хищения социалистического имущества, уклонения от обязательной военной службы и т. д. В этих случаях преступление приобретает иной характер, выходя за рамки ст. 72 УК, в связи с чем оно должно квалифицироваться по совокупности по ст. 72 УК и по статье, устанавливающей ответственность за другое преступление.

Предметом бескорыстного должностного подлога могут быть любые официальные документы¹. Ст. 120 УК РСФСР, предусматривающая ответственность за должностной подлог, говорит только об официальных документах. Однако в большинстве уголовных кодексов других союзных республик имеются еще дополнительные указания и на бухгалтерские книги². К ним приравниваются и различного рода журналы, например, журналы входящих и исходящих бумаг и пр. Все они также являются официальными документами наряду с прочими бумагами и документацией, ведущейся в государственных и общественных учреждениях и предприятиях.

¹ За исключением избирательных и некоторых других документов, подделка которых выделена в специальные составы.

² См. ст. ст. 108 УК УССР, 210 УК БССР, 126 УК Грузинской ССР, 116 УК Туркменской ССР, 152 УК Узбекской ССР и 145 УК Таджикской ССР.

Для квалификации подлога по ч. 2 ст. 120 УК не имеет значения, предоставляют ли документы права или освобождают от повинностей или же они по своему содержанию свидетельствуют об иных правоотношениях. Поэтому в сравнении со ст. 72 УК круг документов, являющихся предметом бескорыстного должностного подлога, здесь значительно шире.

Что касается документов, являющихся предметом корыстного подлога, то круг таких документов, как правило, ограничивается лишь документами имущественного характера. Само преступление в таких случаях перерастает рамки ст. 120 УК, приобретая характер посягательства против собственности, в связи с чем оно должно квалифицироваться по совокупности как хищение и подлог.

Однако предметом рассматриваемого вида подлога могут быть и иные официальные документы, лишенные имущественного характера. Например, заведомо ложные справки, выданные должностным лицом за взятку, и др.

Предметом корыстного подлога, предусмотренного ст. 170 УК, в отличие от подделки официальных документов и должностного подлога могут быть не только официальные, но и частные документы.

М. Н. Гернет, исследуя состав преступления, предусмотренного ст. 170 УК РСФСР, совершенно правильно отмечал, что ее толкование «... возможно лишь в связи с толкованием ст. 72. Эта последняя говорит о подделке документов, выдаваемых из государственных и общественных учреждений, о предоставлении каких-нибудь прав или освобождения от каких-либо повинностей. В таком случае под ст. 170 подходит подделка прочих официальных бумаг...»¹.

Относительно официальных документов как предмета рассматриваемого вида подлога содержатся прямые указания в уголовных кодексах РСФСР, БССР, Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Туркменской ССР и Таджикской ССР.

Уголовные кодексы УССР и Узбекской ССР хотя и не содержат прямого указания на официальные документы, однако, как и уголовные кодексы всех других союзных

¹ «Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий», под ред. М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина, М., 1927, стр. 264.

республик, наряду с простыми бумагами упоминают еще о документах и расписках¹.

Если бы по мысли законодателя предметом корыстного подлога были только частные документы, не было бы никакого смысла наряду с ними говорить о других документах, а также и о расписках. Последние могут быть как частными, так и официальными: расписка, выданная частным лицом, например, должником в подтверждение долга — частный документ, а расписка, выданная судом в подтверждение получения уголовного или гражданского дела из суда другого участка или от следственных органов, — документ официальный. Поэтому нам представляется неправильной точка зрения, высказанная М. М. Исаевым о том, что УК Украинской ССР, поскольку он говорит о подлоге в корыстных целях простых бумаг, документов и расписок, устанавливающих имущественные права и обязанности или выгоды, выделил из главы об имущественных преступлениях подлог официальных документов, хотя бы совершенный из корыстных побуждений². Мы полагаем, что ст. 182 УК УССР в этом отношении ничем не отличается от ст. 170 УК РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик.

В отношении же частных документов вообще не может быть сомнений в том, что они могут быть предметом рассматриваемого вида подлога, поскольку в уголовных кодексах Украинской, Узбекской и Туркменской ССР сохраняются прямые указания на частные (или простые) бумаги, а также и на расписки, о которых упоминается и в уголовных кодексах всех других союзных республик. Последние, как это показано выше, могут быть и официальными и частными³.

¹ Кроме того, в ст. 186 УК Грузинской ССР имеются указания на торговые книги, являющиеся по существу отдельными видами специальных документов, подлог которых возможен лишь при наличии корыстной цели.

² См. М. М. Исаев, Уголовное право. Особенная часть, Юридиздат, 1939, стр. 278.

³ Иного мнения придерживался А. А. Жижиленко, считавший, что предметом рассматриваемого вида подлога являются только официальные документы («Преступления против имущества и исключительных прав», М., 1928, стр. 148).